

— НОВОСТИ —

210-й зенитно-ракетный полк ВВС и ПВО России, дислоцированный около поселка Морозки Дмитровского района Московской области, получил на вооружение два дивизиона новейшей зенитно-ракетной системы С-400. Двумя годами ранее два дивизиона С-400 получил 606-й зенитно-ракетный полк, дислоцированный в районе г. Электросталь. ЗРС С-300ПМ, ранее состоявшие на вооружении этих двух полков, будут переданы зенитно-ракетным полкам, дислоцированным под Санкт-Петербургом и Гатчиной. Третий полк в составе ВВС и ПВО РФ, оснащенный ЗРС С-400, предполагается сформировать на Дальнем Востоке. Подмосковным зенитно-ракетным полкам, оснащенным С-400, в ближайшее время предполагается придать для повышения их боевой устойчивости новейшие зенитные ракетно-пушечные комплексы малой дальности «Панцирь-С1». Эти ЗРПК способны поражать высокоточное оружие (ракеты и управляемые авиабомбы) и их носителей, а также отражать артиллерийским огнем нападения диверсионных и террористических групп.

* * *

В Центризбирком Казахстана продолжают поступать заявления от желающих принять участие в досрочных президентских выборах. Среди них – предприниматель Серик Сапаргали, оппозиционный политик Салим Отен, депутат сената Гани Касымов, пенсионерка Зауре Масина, безработный Советкызы Нурсила, сотрудник охранного агентства «Бастион» Толбай Баймузин, кандидат от Коммунистической народной партии Казахстана Жамбыл Ахметбеков, общественный деятель Амантай-кажи Асылбек, лидер Союза мусульман Казахстана Мурат Телибеков и другие (всего – 22 человека). Досрочные президентские выборы в Казахстане назначены на 3 апреля 2011 года. Действующий президент Нурсултан Назарбаев, который находится у власти более 20 лет, баллотируется на четвертый срок. На предыдущих выборах он, по официальным данным, получил 91,15% голосов. На нынешних выборах официально зарегистрирован в качестве кандидата пока только Назарбаев. С другой стороны, ряд кандидатов уже отказано в регистрации, поскольку они не сдали экзамен по казахскому языку.

* * *

В Киргизии созданы «альтернативное правительство» и «альтернативный парламент». Их сформировали представители альянса политических сил, не попавших в парламент в ходе последних выборов. В этот альянс входят около 20 партий и общественных организаций. Место «альтернативного премьер-министра» занял представитель партии «Акыйкат» («Справедливость») Аликбек Джекшенкулов, «спикером альтернативного парламента» стал лидер партии «Замандаш» (партии, представляющей интересы киргизских трудовых мигрантов) Мухтарбек Омуракунов. «Теневые» органы власти намерены разрабатывать экономические программы и законопроекты, а затем направлять их в настоящее правительство и парламент. По итогам выборов, прошедших осенью 2010 года, в парламент Киргизии прошли пять партий. Три из них – Социал-демократическая партия Киргизии, «Ата-Журт» («Отечество») и «Республика» – объединились в коалицию и сформировали правительство, разделив министерские посты. Следует напомнить, что прошлогоднему свержению президента Курманбека Бакиева также предшествовало создание оппозицией «теневых» органов власти.

* * *

Генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен намерен в ходе своего предстоящего однодневного визита на Украину обсудить возможное участие этой страны в системе противоракетной обороны альянса. Решение о создании системы ПРО, предназначенной для защиты европейских стран НАТО от одиночных баллистических ракет с дальностью полета до 3 тыс. км, было принято на недавнем саммите блока в Лиссабоне. Пока неясно, какая именно форма участия в создании ПРО будет предложена Украине и готово ли в связи с этим НАТО взять на себя обязательства по защите Украины.

— БЕЗОПАСНОСТЬ —

Новый облик

Плюсы и минусы военной реформы

ФОТО АНТОНА БЕЛИЦКОГО/ИТАР-ТАСС

На протяжении последних двух лет в России проводится одна из самых крупномасштабных в истории страны (включая имперский и советский периоды) военных реформ. Чтобы в ходе военного строительства не было сделано больших ошибок, процесс этот должен быть максимально прозрачен для экспертного сообщества. Строительство новых ВС и обороноспособность страны – такая вещь, где цена ошибки чрезвычайно велика.

Российский общественно-политический центр (РОПЦ) и Институт политического и военного анализа (ИПВА) уже на протяжении года проводят серию «крутых столов», посвященных различным аспектам военной реформы. Очередной «крутый стол» состоялся накануне Дня защитника Отечества и был посвящен проблеме восстановления в российских Вооруженных силах института младших командиров (сержантов и старшин). Ведущим мероприятия был директор ИПВА, полковник запаса Александр Шаравин. Кроме него по проблеме выступили главный редактор «Российского военного сборника», кандидат исторических наук, полковник запаса Александр Савинкин, генерал-майор запаса, бывший заместитель командующего Московским военным округом Андрей Доронин, председатель Ко-

миссии по политике безопасности и проведению общественной экспертизы проектов федеральных законов Общественного совета при Министерстве обороны РФ, полковник запаса Виталий Шлыков и другие.

Случившееся в конце 60-х фактическое разрушение в Советской армии института младших командиров породило позорное и бесprecedентное явление, известное под названием «дедовщина». Нынешняя российская армия унаследовала его от советской. Фактическое отсутствие сержантов и старшин стало важнейшей (если не единственной) причиной того, что неуставные взаимоотношения приняла столь массовый, почти институциональный характер. И только возвращение в войска младших командиров с соответствующей подготовкой и полномочиями может исправить ситуацию.

Сегодня некоторые российские и зарубежные военные эксперты считают, что главной угрозой для военной реформы является именно ситуация с отсутствием в ВС РФ корпуса младших командиров. Хотя существование данной проблемы признано на самом высоком уровне, для ее решения сделано очень мало. При этом переход на годичный срок службы призывает бывшй заместитель командующего Московским военным округом Андрей Доронин, председатель Ко-

миссии по политике безопасности и проведению общественной экспертизы проектов федеральных законов Общественного совета при Министерстве обороны РФ, полковник запаса Виталий Шлыков и другие. Сейчас в войсках является очень сложной. До сих пор нет четкого понимания, как именно должен строиться корпус младших командиров. Будет ли он полностью контрактным или частично призывным? Какими должны быть продолжительность и содержание подготовки сержантов и старшин? Как долго они должны служить? Каким должен быть отбор на сержантские и старшинские должности и кто его будет осуществлять?

Было отмечено, что большинство нынешних сержантов крайне слабо мотивированы, не обладают необходимыми лидерскими качествами, имеют низкие психологические устойчивость и образовательный уровень. Переориентация Рязанского воздушно-десантного училища на подготовку сержантов проблемы не решает, поскольку оно обеспечит менее 1% потребности ВС в них, к тому же срок

обучения (3 года) слишком велик. Например, в США, где подготовке младших командиров придается исключительно высокое значение (сержантов там официально называют «становым хребтом армии»), первичная подготовка сержанта длится всего 4 недели. И уже затем, по мере продвижения по служебной лестнице, он проходит дополнительную подготовку.

Переломить ситуацию очень сложно. Совершенно очевидно, что на должности сержантов и старшин необходим жесткий отбор, причем с учетом мнения сослуживцев. Что они должны служить дольше рядовых, при этом иметь существенные льготы и денежное довольствие, как минимум не меньшее, чем средняя зарплата по стране. Прозвучало предложение о том, что надо вернуться к системе, введенной Петром I: сержантом может стать только тот, кто отслужил рядовым, а офицером – только тот, кто служил и рядовым, и сержантом (старшиной).

Как говорил маршал Жуков, «армией командую я и сержанты». У России есть свои традиции в плане формирования корпуса младших командиров. Есть и обширный мировой опыт. Нужно внимательно изучать их и внедрять в жизнь с учетом новых условий.

Если же говорить о промежуточных итогах военной реформы, о ее плюсах и минусах, то, по мнению большинства экспертов, они таковы.

Сначала о плюсах.

Переход от архаичной советской системы округов и флотов к гораздо более современной системе оперативно-стратегических командований (ОСК), управляющих разновидовыми группировками. В конце 2010 года завершено создание 4 ОСК («Запад», «Юг», «Центр», «Восток»).

Совершенствование системы управления в тактическом звене с целью максимальной автоматизации данного процесса.

Постепенное разделение военных и гражданских функций внутри Минобороны. Гражданское Министерство обороны с четким разделением гражданских и военных функций – один из важнейших признаков демократического общества. До последнего времени мы имели, по сути, прежнее, советское, чисто военное Минобороны, в котором чужеродными элементами оказываются немногочисленные гражданские лица.

Декларирование важности восстановления института младших командиров, о чем говорилось выше.

Отказ от химеры «профессио-

нальной армии» и декларирование сокращения количества контрактников в пользу их качества. Для России сохраняется вполне реальная возможность совершения против нее крупномасштабной внешней агрессии. Именно поэтому наемная («профессиональная») армия для нас совершенно неприемлема. Во-первых, мы должны иметь большой подготовленный мобилизационный резерв, а его может обеспечить только призыв. Во-вторых, переход на чисто наемный принцип комплектования в развитой стране с достаточно большими ВС неизбежно ведет к люмпенизации личного состава (в армию идет те, кто не способен найти своего места в гражданской жизни). В-третьих, как показывает мировой опыт, наемная армия защитить страну от внешней агрессии не способна, она просто разваливается. Потому что воюет за деньги, а не за Родину.

Декларирование гуманизации условий службы, освобождение солдат от не свойственных им обязанностей. Солдаты и матросы теперь получают выходные в субботу и воскресенье, а также освобождаются от всех хозяйственных работ, которыми займются гражданские структуры.

Готовность к импорту вооружений и боевой техники. Даже в советское время очень часто случалось так, что ВПК навязывал армии не то, что ей нужно, а то, что он способен сделать. В постсоветский период такая ситуация существенно усугубилась. И это при том, что ВПК утратил многие важные технологии, а многих просто никогда не имел. Соответственно, он во все меньшей степени способен удовлетворять потребности ВС как по качеству, так и по количеству вооружений и техники. В таких условиях нам, увы, не обойтись без импорта. К тому же наш ВПК зарабатывает гораздо лучше, если окажется в условиях реальной конкуренции не только на внешнем, но и на внутреннем рынке. При этом, правда, абсолютной панацее импорт стать не может, ведь наиболее критичное для безопасности страны оружие нам никто не продаст.

Теперь о минусах, причем не о тех, что мы унаследовали от СССР, а которые возникли сейчас.

Ситуация в сфере военного образования. Без образованного и отлично подготовленного офицерского корпуса никаких Вооруженных сил просто нет, соответственно, любая военная реформа теряет смысл. Происходящие сейчас процессы (сокращение, слияние и перераспределение многих военных ву-

зов) часто приводят к разрушению многих складывавшихся десятилетиями научных и преподавательских школ и коллективов. Восстановить их будет крайне сложно, а часто и невозможно в принципе.

Положение с денежным довольствием офицеров. Здесь дело уже давно обстоит крайне неудовлетворительно. Поэтому руководство Минобороны исходило из благих намерений, создавая систему поощрения отличившихся офицеров значительным увеличением денежного довольствия на протяжении следующего года службы. Однако эффект получился обратным – вместо поощрения лучших внесен серьезный раскол в офицерские коллективы.

Сокращение офицеров и прапорщиков (мичманов). Нет никаких сомнений в том, что сама по себе эта мера была необходима, офицеров в ВС был явный избыток, особенно в среднем звене. Увы, как часто бывает, воплощение благой идеи в жизнь привело к весьма негативным последствиям. Сократили слишком многих, причем нередко сокращали лучших. В итоге подорвана боеспособность многих подразделений.

Сокращение боевого потенциала ВС. Отчасти оно имеет объективный характер: советское вооружение выработало свой ресурс. Кроме того, России не нужно даже половины того потенциала, что имел СССР. Однако сейчас мы впали в другую крайность. Оставшихся у нас сил совершенно недостаточно для парирования внешних угроз, особенно тяжелая ситуация складывается на востоке страны. Причем здесь она усугубляется еще и ликвидацией дивизий и заменой их бригадами. Эта мера, возможно, оправдана для европейской России, но для востока бригады неприемлемы – слишком низка их боевая мощь. Переход на «бригадный подряд» стал следствием ориентации на ведение нашими ВС только локальных войн, что не соответствует реальной ситуации. Более того, если нам предстоит вести только локальные войны, тогда зачем сохранять призыв? Считать панацеей ядерное сдерживание вряд ли правильно, поскольку некоторые наши потенциальные противники сами обладают мощным ядерным арсеналом.

Таким образом, военная реформа, как и следовало ожидать, оказалась очень сложной и противоречивой. Вряд ли кардинальная перестройка одной из крупнейших армий мира могла быть другой.

Александр ХРАМЧИХИН

— ТЕНДЕНЦИИ —

Гладко было на бумаге

Европроект «Восточное партнерство» явно забуксовал

Разрекламированный проект Евросоюза по вовлечению в европейскую политику добрососедства Украины, Беларуси, Молдовы, Азербайджана, Армении и Грузии был запущен около трех лет назад в Праге. Тогда программа с громким названием «Восточное партнерство» всем представлялась как площадка для взаимовыгодной работы по вивозым соглашениям, свободной торговле и стратегическому партнерству с государствами-соседями. Иными словами, проект предполагал политическое и экономическое сближение вышеназванных государств с Евросоюзом, присоединение к единой системе коллективной безопасности и общей энергетической сети, уменьшение стоимости и постепенную отмену виз.

На деле же все свелось к бесчисленным декларациям о намерениях, а само объединение все больше напоминает арену для реализации политических амбиций отдельных западных политиков и дипломатов. Проекту явно не хватает прагматизма, конструктивизма и искренности. И главная проблема в том, что Брюссель, по сути, смотрит на эту инициативу как на чисто политический проект, нацеленный прежде всего на усиление влияния Запада на постсоветском пространстве. Что касается экономических инициатив в рамках партнерства, то все они так и остались на бумаге.

Беларусь, которая с самого начала активно подклочилась к «Восточному партнерству», продвигала конкретные предложения, говорит Дмитрий Ярмолюк, начальник отдела европейской интеграции белорусского МИДа. Среди них, на-

ФОТО ЕВРОПРЕУ

пример, экспресс-поезд «Минск – Вильнюс», развитие Балто-Черноморского транспортного коридора, совместное использование нефтепровода «Одесса – Броды». Исполнение этих идей объективно выгодно не только участникам «Восточного партнерства», но и государствам Евросоюза. Однако воз и ныне там.

Рассчитывать на реализацию серьезных экономических проектов пока не приходится и по финансовым соображениям. На цели «Восточного партнерства» до 2013 года Еврокомиссия выделила 600 миллионов евро. Причем Беларуси в сравнении с остальными пятью странами-участницами предложили минимум – по три миллиона в год. Можно, например, вспомнить, что в начале февраля ЕС и США щедро увеличили фонд помощи белорусской оппозиции – до 87

миллионов евро. «Что касается реальной экономической помощи, то ее в программе я не увидел», – отмечает политолог из Латвии Модрис Аузиньш. – В основном «Восточное партнерство» сводится к выражению какой-то внутренней оппозиции. Это, прямо скажем, подрыв внутренних устоев».

Когда появляется какая-то программа, сразу задается вопрос: «А кто будет за это платить?» Обычно платить никто не хочет, и, соответственно, выделяются довольно небольшие средства. От такого подхода трудно ожидать серьезной экономической выгоды, – считает литовский политолог Вадим Воловой.

О том, что политика в «Восточном партнерстве» задавила экономику, свидетельствует и решение председателей политических фракций Европарламента провести пер-

вое заседание парламентской ассамблеи «Восточного партнерства» (так называемая «Евроonest») в марте этого года без белорусской делегации. Формальный повод: ЕС не признает легитимность белорусского парламента, поэтому не желает видеть его представителей в своих структурах. Вот такая она, европейская политика добрососедства в реальности: на словах ратуют за сближение, на деле же закрывают все двери и окна.

Принимая решение об отстранении белорусских депутатов от участия в парламентском изменении программы «Восточное партнерство», Европарламент пошел на поводу у отдельных ангажированных политиков, – отметил председатель Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Беларуси Игорь Карпенко. – Получается,

когда Палата представителей ратифицирует международные документы, например, об избежании двойного налогообложения со странами Европы, у европарламентариев не возникает вопросов о легитимности парламента и принятых им решений. Они не ставят под сомнение эти документы. Но когда речь заходит об участии в «Евроonest», вдруг появляется этот странный аргумент.

По словам Игоря Карпенко, своими заявлениями и решениями касательно Беларуси европарламентарии «загоняют себя в тупик». Политика ограничений не имеет перспектив и противоречит основным принципам создания любой парламентской структуры, цель которых – налаживать политический диалог, а не диктовать условия потенциальным партнерам.

Но дело даже не в том, что Беларусь не приглашали в «Евроonest». В ЕС никто не счит нужным поинтересоваться мнением остальных государств – участниц «Восточного партнерства», возмутился председатель комитета по правовой политике и государственному строительству азербайджанского парламента, член делегации Азербайджана в ПАСЕ Али Гусейнов. Говорим о сотрудничестве, о равноправии, уважении интересов друг друга и взаимной выгоде, а на деле евроинновники тянут одеяло на себя.

Очевидно, если ЕС хочет работать с Беларусью, если хочет приносить пользу, то это должно быть обоюдовыгодное сотрудничество, – поддержал своего коллегу депутат Государственной Думы России Дмитрий Вяткин. – А если это была игра, направленная на дестабилизацию политической, социально-экономической обстановки в стране, то она явно провалилась.

Откровенное непонимание необходимости «Восточного партнерства» в нынешнем формате выразили и на Украине. Премьер-министр этой страны Николай Азаров отказался подписать тенденциозное заявление премьеров Австрии, Че-

хии, Германии, Венгрии, Польши и Словакии в отношении Беларуси. Ранее скептическое отношение к восточной политике Евросоюза высказал и председатель Верховной рады Владимир Литвин. «По моему глубокому убеждению, становление «Восточного партнерства» явно затнулось, – заявил украинский спикер. – Создается впечатление, что поменяли политику соседства на «Восточное партнерство» для того, чтобы выработать определенную форму отстойника для государства, географически, ментально относящихся к Европе, в первую очередь я имею в виду Украину. «Восточное партнерство» нуждается в реанимации, даже не начав работу».

В этих условиях спрогнозировать перспективы «Восточного партнерства» довольно сложно. Тем более что в этом году председательство в Европейском союзе – в руках Венгрии и Польши. Оба государства намерены развивать программу и добиваться увеличения средств на конкретные проекты. С другой стороны, нынешнее состояние белорусско-европейских и белорусско-польских отношений энтузиазма не добавляет. Вряд ли стоит рассчитывать на изменение ситуации в ближайшее время.

Впрочем, и списывать проект в утиль преждевременно, полагает белорусский экономист Георгий Гриц. Бизнес не терпит суеты и, вопреки политической трескотне, работа продолжается. Именно в формате сотрудничества представители делового сообщества и возникает взаимопонимание. А в основе развития взаимоотношений всегда лежит экономика, коммерческий интерес. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов такие важные и понятные всем понятия, как пограничная безопасность, туризм, межличностные контакты. Все это требует политического диалога.

Евгений КОНОНОВИЧ